Прошло ровно четыре года с того момента как Альбус Дамблдор впервые доверил Северусу Гарри Поттера. Месяц за месяцем – казалось, для младшего из близнецов Поттеров стало скорее обычаем, чем исключением, что его оставляли под опекой мастера зелий, пока его родители все больше и больше погружались в подготовку Адриана. Не то чтобы Гарри в семье не любили; таких побуждений в действиях его родителей не существовало. Тем не менее, факт оставался фактом.

Во-первых, были эксперты; старшие Поттеры вместе с едким Бродягой и заботливым Лунатиком путешествовали по самым отдаленным уголкам мира, пытаясь найти объяснение тому, как Адриан победил Темного Лорда в нежном годовалом возрасте. Результаты тестов были неубедительными, как Северус Альбусу и предсказывал. Было доказано, что хотя да, действительно, у Адриана большой потенциал, признаков чего-то уникального просто не обнаружилось. Как на протяжении многих лет раз за разом повторял директор, было бы странно, если бы что-то необычное нашлось; Волдеморт был побежден при конкретных обстоятельствах, при которых и потребовалось столь масштабное проявление случайной магии. Это был вопрос выживания, и повторить подобное не представлялось возможным – теория, которая, по большей части, была совершенно верной.

Затем начались приступы случайной магии. В шесть с половиной лет юный Адриан уберег одну из своих игрушек от падения с лестницы, призвав ее к себе. Это вызвало настоящий переполох, и все быстро решили, что, как и было запланировано, в возрасте семи лет Адриан начнет свое магическое обучение. Вот так и вышло, что август застал большую часть семьи Поттеров за обучением Адриана где-то в Уэльсе, а Гарри, как обычно, остался с Северусом в Тупике Прядильщиков.

Когда Джеймс Поттер узнал, где его сын провел первый месяц, в то время как остальные члены семьи находились в Стамбуле, произошла довольно любопытная стычка. Дамблдор был вынужден вмешаться, прежде чем все стало совсем плохо; только тогда, когда Сириус дошел до мысли, что Гарри мог бы провести некоторое время со своими тетей и дядей, Дурслями, Лили твердо вмешалась, и после скандала, который Северус поклялся помнить до последнего вздоха, Джеймс окончательно сдался. Как только его заверили, что на доме Северуса было более чем необходимо щитов, а так же после личной беседы с рассерженным Дамблдором, он неохотно согласился на то, чтобы в случае необходимости Северус о Гарри заботился.

Поэтому сейчас Северус, улыбаясь из кресла, смотрел на Гарри – который, в свою очередь, следил за приготовлением зелья в камине, – якобы углубившись в чтение экземпляра Ежедневного Пророка. Когда Гарри вошел в жизнь молодого профессора, для него все коренным образом изменилось. В то время как в школе он оставался все таким же мрачным, а для некоторых учеников и откровенно пугающим, и все еще выслушивал ругань от мадам Помфри по поводу того, какой он тощий, он, наконец, начал исцеляться. С каждой подаренной ему Гарри улыбкой тяжесть на сердце медленно уменьшалась, вплоть до того, что в присутствии мальчика он ощутил то, в чем давно себе отказывал: он ощутил, что счастлив.

Гарри стал для него источником постоянного удивления, и он был благодарен за каждое мгновение, которое они провели вместе; его улыбка стала шире при мысли, что этот раз будет еще дольше. Он ощутил из-за этого укол вины, зная, насколько Гарри будет скучать по своим родителям, но он не мог не радоваться, учитывая, какой в этом году обернется его повседневная жизнь. Было решено, что летом Гарри станет приходить к нему на то время,

когда Адриан будет проходить обучение, что не так уж отличалось от привычного положения дел в последние четыре года.

А вот менялось кое-что другое: Гарри теперь станет чаще проводить время с профессором зелий. Каждый понедельник, вторник, пятницу и в выходные дни Адриан будет проходить обучение с родителями и разными членами преподавательского состава Хогвартса, стремясь как можно раньше получить все, что мог, в обширной магической области. Это значит, что Гарри придется проводить в покоях Северуса в Хогвартсе все эти три рабочих дня и выходные, возвращаясь в Поттер Мэнор только ночевать. Северус чувствовал, что большего нельзя было и просить.

– Кажется, зелье готово, Сев, – сообщил Гарри, с улыбкой поворачиваясь к молодому человеку. Он всегда называл его Севом, и от этого его улыбка делалась еще шире.

– Уже? – спросил он и встал, чтобы подойти к огню. Гарри был прав. – Отлично, – только и сказал он и, быстрым движением волшебной палочки разлив по бутылкам Перечное зелье, потушил огонь.

Глаза Гарри вспыхнули, как всегда при демонстрации магии, а затем потускнели, стоило ему сосредоточиться на палочке Северуса. Молодой человек вздохнул. Причины разочарования мальчика были понятны. Адриан получил палочку для тренировок на свой седьмой День Рождения. Даже если она будет использоваться только для обучения, Гарри чувствовал себя – снова – отодвинутым.

Северус плотно зажмурился, сознавая несправедливость всего этого; в конце концов, Гарри показал свои способности в магии раньше, чем его брат. На самом деле, это случилось в тот первый день четыре года назад, когда он только что привел мальчика в свой дом, именно тогда Северус впервые узнал об этих способностях. Гарри случайно налетел на столик, и в результате стоявшая на нем ваза упала на пол. Вещь так и не коснулась пола; она исчезла, вскоре вместо этого с громким хлопком вернувшись на свое изначальное место, вызвав у трехлетнего волшебника вздох облегчения. Северус оживился, после нескольких простых вопросов обнаружив, что это был второй раз, когда случалось что-то подобное – как оказалось, Гарри удалось уберечься от полета вниз по лестнице, когда он за несколько месяцев до этого инцидента споткнулся о ковер.

И что же произошло, когда Северус попытался рассказать семье Гарри? Произошел «Скандал», вот так вот; после того, как Джеймс почти получил инфаркт, узнав, что его сын провел месяц с его заклятым врагом, Северус оказался менее склонным делиться такой информацией. Такое ощущение, что это нечто личное, только между Гарри и ним самим. Да и, в любом случае, мальчик с тех пор проявлял магию на глазах у своих родителей, за несколько дней до своего седьмого дня рождения. Северус почувствовал желание найти Джеймса и ударить его чем-нибудь тяжелым, а в идеале металлическим, чтоб запомнилось.

Гарри поздравили, конечно, но кому-нибудь пришло на ум, что, возможно, его тоже нужно обучать уже сейчас, как Адриана? Нет, конечно, не пришло. И не имело ни малейшего значения, что он был умен не по годам и жаждал знаний; он просто не был Адрианом. Северус

находился рядом, когда Гарри узнал, что ему не собираются давать палочку, как его брату; он увидел, как в изумрудных глазах мальчика гаснут искры, и это почти заставило его немедленно проклясть Джеймса и Сириуса. Только взгляд, посланный ему Гарри, умоляющий взгляд, взгляд, который показывал, насколько ему необходимо немедленно уйти с кухни дома его семьи, где произошло столкновение, остановил его, когда он вытащил палочку.

– Ты в порядке, Сев? – обеспокоенно спросил Гарри, заметив, как сузились глаза человека, который стал его опекуном.

– Я в порядке, Гарри. Просто кое-что вспомнил, – улыбнулся он мальчику, который все еще смотрел на извлеченную палочку большими грустными глазами.

Северус нежно улыбнулся этим глазам; он сумел избавить Гарри от необходимости ходить в очках – судьба, которая постигла его брата. Зелье было его собственным изобретением, он потратил на исследования несколько дней и ночей, когда понял, что зрение у Гарри ухудшается. Джеймс никогда бы не позволил использовать зелье, вышедшее из его рук – насколько бы великолепно оно ни было, – а Лили, к сожалению, не доверилась бы тому, что не получило одобрения Министерского Отдела Зелий; они бы никогда не согласились, что при необходимости правила можно немного обойти.

Тем не менее, он бы прислушался к ее желанию, если бы не был уверен, что зелье необходимо использовать в течение первого месяца после того, как проявятся несомненные симптомы; Министерству же потребовалось бы как минимум шесть месяцев, чтобы выдать разрешение, и стало бы уже слишком поздно. Кроме того, он пока не был заинтересован в обнародовании зелья. Он все еще работал над некоторыми улучшениями в основной формуле, чтобы оно могло излечивать все виды дефектов зрения, а не только близорукость.

– Ты можешь мне теперь показать, как варить Кроветворное зелье, Сев? – спросил Гарри, тепло улыбаясь.

Северус усмехнулся; именно это было целью сегодняшней демонстрации. Он пытался заставить Гарри забыть о том, что его не собираются тренировать вместе с его братом, тренируя его по-своему. Кроме того, он не виноват, что мальчик впитывал любую попавшуюся ему информацию как губка! Комната, которую Гарри использовал в Тупике Прядильщиков, была забита книгами по гербологии, зельям, астрономии и всему прочему, что, по мнению Северуса, могло дать основы магической теории в доступной для семилетки форме. В конце концов, он сам два года назад научил мальчика читать, поскольку предполагалось, что оба мальчика Поттеров получат домашнее образование до поступления в Хогвартс.

– Конечно, могу, – сказал он, вертя свою палочку. – Я все-таки обещал.

– Ты самый лучший, Сев! – воскликнул Гарри и обнял его, снова заставив Северуса улыбнуться; если бы только его ученики могли его сейчас видеть!

– Ага, ага, ребенок. Как скажешь, – Гарри взволнованно хихикнул и бросился за своими

перчатками из драконьей кожи, пока Северус снова разводил огонь. – И к слову, скажи-ка мне, Гарри: почему я сначала потушил огонь, хотя знал, что ты будешь использовать свой щенячий взгляд, чтобы вынудить меня позволить тебе сварить еще одно зелье? – Гарри снова хихикнул и направил в адрес молодого мужчины всю мощь упомянутого взгляда, а тот в свою очередь закатил глаза на выходку мальчика.

– Из-за пеплозмей. Тут используются ингредиенты, магические свойства которых меняются при попадании в огонь, поэтому, собственно, ты и использовал палочку, – объяснил Гарри, и Северус гордо улыбнулся. – Я думаю, ты не хочешь, чтобы дом взорвался? – заключил Гарри, направляясь к ингредиентам, которые Северус оставил для него на столе у камина.

– Точно, Гарри, – сказал Северус, принимая от Гарри упомянутые ингредиенты. – Если бы только эти болваны, мои ученики, могли это запомнить, мне бы не приходилось после каждого урока разбираться со всеми этими расплавленными котлами. – Гарри снова хихикнул. – И, опять же, я верю, что они найдут другой способ уничтожать эти самые котлы; их воображение меня иногда поражает!

На этот раз он присоединился к Гарри, тоже тихо посмеиваясь. А час спустя, когда надо было добавить в зелье необходимые ингредиенты, все и случилось.

– Так мне надо помешать семь раз по часовой стрелке и один раз в обратную сторону? – спросил Гарри, сосредоточившись на готовящемся зелье.

– Точно; теперь, если мы все сделали правильно – и, несомненно, так и есть, – то зелье сейчас начнет менять цвет с зеленого на темно-красный. Вот как ты поймешь, что все готово, – и он улыбнулся небольшому вздоху мальчика, когда после нескольких помешиваний зелье стало заметно буреть. – А теперь, если и дальше продолжать таким образом, то очень скоро…

Его речь была прервана громким резким криком: хогвартская сова, только что ворвавшаяся в окно, пролетела над двумя волшебниками, намереваясь своевременно доставить свое письмо. Северус почувствовал, что что-то пойдет не так, даже прежде, чем это произошло, и все равно не успел вовремя среагировать; сова, пролетая над камином, сбила в кипящее зелье сосуд с корнем мандрагоры. Северус успел только выкрикнуть имя Гарри, когда реакция пошла; из котла поднялся огромный столб зеленого пламени, опаляя все, чего касался, и разбрасывая сварившийся корень мандрагоры. Когда пламя перешло на оставшуюся часть комнаты, единственной связной мыслью Северуса стало защитить Гарри. Он едва сумел выхватить свою палочку, когда их обоих укрыло ярко-синее сияние щита.

Он перевел взгляд на Гарри, и то, что он увидел, заставило его потрясенно опустить свою палочку; мальчик вытянул руки вперед, и в этом была единственная причина, почему они не сгорели в пламени дотла. Именно он наколдовал щит. Огонь погас, оставив стену над камином черной от копоти. Северус огляделся и обнаружил, что другая часть комнаты осталась полностью невредимой. Руки Гарри упали по бокам и он глубоко вздохнул. Улыбка истинного облегчения проявилась на его лице, только чтобы растаять, когда он повернулся к Северусу. Молодой человек не мог найти, что тут сказать.

– Сев, ты в порядке? – повторил Гарри второй раз за этот вечер.

– Я… ты… Да, я в порядке, Гарри, – пробормотал Северус, уставившись на мальчика, и попросту плюхнулся на пол.

– Ты не выглядишь «в порядке», Сев, – указал мальчик с обезоруживающей простотой, свойственной только детям.

– Я просто удивился, – объяснил он.

– Почему?

– То, что ты только что сделал… Ты когда-нибудь делал что-то подобное раньше? – спросил Северус, и Гарри недоуменно уставился на него.

– Случайную магию? Много раз, – указал мальчик, не понимая, о чем это Северус.

– Нет, Гарри, я имею ввиду, ты когда-нибудь раньше делал что-то вроде этого щита? – уточнил черноглазый мужчина.

– Думаю, нет. – Он взволнованно посмотрел на Северуса. – А что? Это плохо?

– Плохо? Нет, – успокоил мастер зелий. – Это великолепно; я никогда не слышал, чтобы какая-нибудь случайная магия проявлялась таким образом.

– Ох, – произнес Гарри, не зная, что сказать.

– Гарри, ты не против, если мы предпримем небольшую поездку в Хогвартс? – спросил Северус по некотором размышлении. – Я думаю, что директор должен об этом услышать.

– Хорошо, – с готовностью согласился маленький мальчик, когда Северус поднял свое тело с пола. – А что насчет стены? – спросил Гарри, его глаза расширились, когда он увидел почти сгоревший камин.

– Сейчас важен только ты, Гарри. Чертова стена может хоть рухнуть, мне все равно, – сообщил Северус, палочкой укрепляя камин в достаточной степени, чтобы его можно было использовать, и призвав из своей комнаты немного летучего пороха, учитывая, что находившийся рядом с камином сгорел, когда котел взорвался. Он протянул руку Гарри, который смотрел на него с теплой улыбкой на лице.

– Спасибо, Сев, – сказал он, когда старший волшебник бросил в пламя горсть порошка.

– За что? – спросил тот, отвлекшись, когда Гарри снова его обнял.

– За заботу.

Северус, глядя на мальчика, снова не знал, что сказать.

– Конечно, я забочусь, ребенок. Эй, посмотри на меня, – тихо сказал он, склоняясь к лицу Гарри, который уставился в пол, избегая его взгляда. – Я всегда буду заботиться. Я люблю тебя, малыш.

Взгляд Гарри, сначала потрясенный, метнулся к Северусу, а потом его глаза наполнились слезами. Это был первый раз, когда Северус сказал такое мальчику, пускай себе он признался в этом годы тому назад.

– Я тоже тебя люблю, Сев! – заявил Гарри, крепко вцепившись в молодого профессора, что заставило самого Северуса прослезиться. – Вот если бы ты был моим папой, – прошептал мальчик, изумив мужчину до глубины души.

– Гарри, я… у тебя уже есть папа, – напомнил он с тяжелым сердцем, зная, что в глубине души он сам хотел бы того же. Не потому, что Гарри был сыном Лили, нет; только потому, что Гарри есть Гарри.

– Я знаю.

– И, как это ни больно признавать, он любит тебя; как и вся твоя семья, – добавил Северус с грустной улыбкой.

– Я их тоже люблю. Просто иногда я люблю их не очень сильно, – признался Гарри, по его лицу потекли слезы, раня сердце Северуса. Ему ведь нечего было на это ответить. – Ты не хочешь быть моим папой? – обезоруживающе спросил Гарри.

– Хочу больше всего на свете, ребенок.

– Тогда почему ты не можешь? – робко спросил Гарри, его глаза впились в Северусовы.

И правда, почему же он не мог, спрашивается. Конечно, он не мог быть ему биологическим отцом, но взять на себя роль отца? Разве он уже этого не сделал?

– Гарри, у тебя уже есть…

– Я знаю, что Джеймс мой отец! – закричал Гарри, зажмуриваясь так сильно, как только мог,

новые слезы побежали по его щекам, срываясь с ресниц. – Я знаю, ладно? Но он не мой папа! – Он резко распахнул глаза, и Северус мог только смотреть на него, не зная, что сказать. – Он папа Адриана; он развлекается с ним, он берет его играть в Квиддич, он учит его всякому. А со мной он ничего такого не делает. А ты делаешь. Он мой отец, но ты мой папа! – воскликнул Гарри. – Почему ты не можешь быть моим папой? – прошептал он сломленным голосом.

Теперь настал черед Северуса обнимать его. Он почувствовал, как что-то горячее поползло вниз по его лицу, и только когда Гарри обхватил его дрожащими руками, он понял, что это слезы.

Изо всех вещей, которые он, возможно, когда-либо ожидал от семилетнего ребенка, подобное даже не попадало в список; он все еще не решался в это поверить. Может ли мальчик действительно так считать? Очевидно, да, может. И, в таком случае, что тут можно сказать? Существовал только один вариант, который хоть отдаленно имел смысл.

– Хорошо, Гарри, –отстранился он и посмотрел мальчику в глаза, его голос был хриплым.

– Хорошо?

– Если ты этого хочешь, для меня нет на свете ничего желаннее, чем быть твоим папой.

И они снова обнялись, и были счастливее, чем когда-либо, закрыв глаза, плача от радости, и потому они не могли заметить мягкую белую ауру, окружившую их обоих. Как часто бывает в подобных случаях, свет моментально исчез, едва их глаза открылись.

– Мы все еще собираемся в Хогвартс? – спросил Гарри спустя несколько мгновений, заставив Северуса засмеяться полноценным смехом, какого у него не случалось даже до войны.

– Да, конечно, – ответил Северус, стирая со щек мальчика следы слез.

Рука об руку они ступили в огонь и вышли в Хогвартсе, аккуратно приземлившись на пол кабинета Северуса.

– Давненько вы двое не появлялись, – произнес голос, удивив их обоих и заставив Северуса вскинуть палочку, приняв защитную позу между Гарри и источником голоса. Его глаза расширились, отражая реакцию выглядывающего из-за Северуса Гарри. – Я чуть не подумал, что просчитался.

– Кто Вы? – угрожающе спросил Северус, уставившись на улыбающегося человека с темно-синими глазами, появившегося на портрете; на портрете, который должен был быть пустым.

Он был стар, вероятно, так же стар, как Дамблдор, в длинных роскошных одеждах того же цвета, что и его глаза. Его белые волосы и борода могли дать фору Альбусу, а вся его поза

говорила о силе.

– Вот в чем вопрос! – воскликнул человек, посмеиваясь. – Я родился Мирддином Эмрисом, но большинство людей знают меня просто как Мерлина. – И посмотрев в огромные глаза представших перед ним волшебников, человек на портрете улыбнулся еще шире и добавил с вежливым поклоном: – Мерлин Амброзиус, к вашим услугам.

http://tl.rulate.ru/book/73471/2026637